

ПЯТОЕ ПОКОЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ И РЕВОЛЮЦИИ XXI ВЕКА

Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев

ГРИНИН Леонид Ефимович, доктор философских наук, главный научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, email: leonid.grinin@gmail.com; **КОРОТАЕВ Андрей Витальевич**, доктор философии (Ph.D.), доктор исторических наук, профессор, директор Центра изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”; главный научный сотрудник, Институт Африки РАН, Москва, email: akorotayev@gmail.com

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2025. Пятое поколение исследователей революционных событий и революции XXI века. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 160-172. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.06.12>. EDN: VOOUVS

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 “Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе”).

Статья поступила в редакцию: 21.02.2025. Принята к публикации: 23.07.2025

Аннотация. В 2001 г. после публикации статьи Дж. Голдстоуна “Навстречу четвертому поколению революционной теории” о том, что в подходах исследователей революций появилось много нового за 1990-е годы, а значит, можно говорить о формировании нового — четвертого — поколения исследователей, тема поколений авторов концепций теории революций и исследователей революций стала довольно популярной. Однако с 2019 г. начались дискуссии о том, что на смену четвертому поколению исследователей теории революции пришло или может прийти пятое. При этом точки зрения на то, что это за поколение, сформировалось ли оно, какие задачи стоят перед ним, сильно разошлись. Авторы статьи полагают, что пятое поколение теоретиков уже существует, но это поколение еще не раскрылось полностью. Анализ пятого поколения исследователей — крупная задача, которую невозможно осуществить в одной ограниченной объеме статье. Поэтому ключевая задача настоящей работы — подробно аргументировать и развернуть тезис, что у каждого поколения исследователей революций есть “свои” революции, которые имеют серьезные особенности. Соответственно, эти характеристики революций и формируют во многом специфические научные и политические подходы, особые методы исследования и многое другое.

Ключевые слова: теория революции, поколения исследователей революций, четвертое поколение исследователей, пятое поколение исследователей, Арабская весна, мир-системный фактор, социальная революция, демократическая революция.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В 2022 г. вышло несколько значимых исследований, посвященных революциям, различным аспектам теории революции, революциям XXI столетия [Beissinger 2022; Beck et al. 2022; Levitsky, Way 2022 и др.]. Эти работы заслуживают самого внимательного прочтения и анализа, однако в настоящей статье мы упоминаем и частично рассматриваем некоторые из них лишь с точки зрения понимания перспектив так называемого пятого поколения исследователей

революции. Это тем более актуально, что, по нашему мнению, всех авторов перечисленных книг в большей или меньшей степени можно рассматривать уже как представителей пятого поколения. Многие из них вышли из третьего или четвертого поколения и не во всем отошли от их принципов (что, впрочем, и не требуется), но уже переросли старые подходы.

В 2001 г. вышла в свет статья Дж. Голдстоуна [Goldstone 2001] о том, что эмпирическая реальность, совпавшая по времени с появлением третьего поколения исследователей, стала заметно менять представления о революциях. Дело было в том, что исламские революции в Иране и Афганистане, как и преимущественно мирные революции в странах социалистического блока, а затем и множество “цветных” революций, не вписывались в характеристики революций, анализируемых третьим и предыдущими поколениями исследователей. Кроме того, за 1990-е годы в подходах ученых появилось много нового. Новые примеры революций и неспособность предыдущих теорий полностью их объяснить, развитие новых взглядов и подходов привели к необходимости появления нового поколения исследователей революции. Поэтому Дж. Голдстоун считал, что можно говорить о формировании нового – четвертого – поколения. Он не первым поднял эту тему, но его статья была наиболее системной. Концепция утвердилась, а тема поколений исследователей вошла в научный дискурс. Однако с 2019 г. начались дискуссии о том, что уже следует говорить о пятом поколении. Но точки зрения на то, что это за поколение, сформировалось ли оно, сильно расходятся.

Мы полагаем, что пятое поколение уже существует, хотя пока и не обрело зрелость. Ключевая задача настоящей статьи – подробно аргументировать и развернуть тезис, что у каждого поколения исследователей революций есть как бы “свои” революции, которые имеют серьезные особенности. Соответственно, *эти характеристики революций и формируют во многом специфические научные и политические подходы, а также особые методы исследования.*

161

Поэтому задача выявления особенностей революций, на базе которых сформировалось новое поколение исследователей революции, представляется вдвойне актуальной. Революции имеют множество определений (см., например, [Шульц, 2017; Эйзенштадт 1999: 270-292; Goldstone et al. 2022]), разбор которых не входит в задачу статьи. Мы используем следующее собственное определение. Революция – антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов [Гринин, Коротаев 2020: 856]. От переворота и революции сверху революция отличается тем, что для первых не требуется массовая мобилизация, а для нее она обязательна. От контрреволюции – нацеленностью на смену традиционных институтов, в то время как контрреволюция направлена на их сохранение, реставрацию. Классическими революциями обычно считают социально-политические революции с глубокими изменениями в социально-политических институтах и часто с высокой степенью насилия. Бархатные революции, соответственно, происходят с минимальным насилием. “Цветные” революции во многом инспирированы извне, в то время как классические вызревают на собственной почве.

ПЯТОЕ ПОКОЛЕНИЕ ТЕОРЕТИКОВ.

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ О ЕГО СУЩЕСТВОВАНИИ И ПОЯВЛЕНИИ

В 2019 г. в литературе был поднят вопрос о пятом поколении теоретиков революции [Allinson 2019; Abrams 2019]. За прошедшие годы было высказано несколько противоположных точек зрения на этот счет, обсудим самые известные из них.

Некоторые авторы, например Голдстоун [Goldstone 2024], считают, что все еще работает четвертое поколение, которое до сих пор не сформировалось до конца¹. И никакой четкой границы между его предшественниками и новой пятой генерацией исследователей, о которой писал, например, Дж. Аллинсон [Allinson 2019], нет. Аллинсон, одним из первых поднявший тему пятого поколения, придерживается противоположного мнения — что пятое поколение не просто сформировалось, а фактически “отцвело”, оказавшись короткоживущим (“*its time has come and passed*”) [ibid.: 2; см. также Beck, Ritter 2021: 135]). По мнению автора, столкнувшись с вызовами арабских революций, пятое поколение с ними не справилось [Allinson 2019: 6].

Б. Абрамс написал в специальной статье, что пятое поколение еще только должно сформироваться, и вывел “несколько предположений о том, как настоящее пятое поколение должно выглядеть” [Abrams 2019: 378]. Тем не менее в 2019 г. он еще не считал возможным нарисовать какой-то ясный портрет [ibid.: 384]. Однако Абрамс верит, что это поколение сможет решить важные теоретические задачи, которые до сих пор остаются нерешенными. С одной стороны, его ожидания выглядят несколько идеалистично, а с другой — часть указанных им проблем так или иначе уже решается (как раз в ходе формирования пятого поколения). Например, он пишет, что теоретикам этого поколения “нужно будет учесть контрреволюционные и авторитарные результаты, которые вытекают из восстаний 2011 г.” [ibidem] (правда, этому посвящена прекрасная статья Э. Зелбина [Selbin 2022]; см. также [Grinin, Korotayev 2022]).

Ряд исследователей (например, [Beck et al. 2022: 10]) не дают четкого ответа, считают ли они, что пятого поколения еще нет, или все-таки допускают, что оно уже формируется.

162

Мы полагаем, что если те или иные авторы ставят целую систему задач и пытаются показать возможность их теоретического и методологического решения, хотя бы в самых общих чертах, то это однозначный признак того, что пятое поколение уже существует или, по крайней мере, находится в процессе активного формирования. Мы не согласны с Аллинсоном, что пятое поколение сошло со сцены, однако он прав в том отношении, что пятое поколение стало формироваться в связи с изменением типа революций в период Арабской весны.

До Арабской весны граница между исследователями четвертого и пятого поколений была нечеткой (сегодня она просматривается ретроспективно). Причина в том, что преобладал мирный характер революций и прослеживалась ограниченность их задач поверхностными политическими целями, которые к тому же проявлялись в обстановке экономического подъема и в более готовых к демократии странах (хотя Киргизия и была исключением). В процессе и по итогам Арабской весны, затем событий на Украине проявилась разница в революциях начала столетия и 2010-х годов и в их оценке.

Исходя из сказанного, мы считаем, что (а) пятое поколение начало формироваться в 2010-е годы, но его подходы не сильно отличались от подходов четвертого поколения; (б) Арабская весна ускорила формирование пятого поколения; (в) в настоящий момент пятое поколение продолжает формироваться и еще не достигло полной зрелости; (г) оно закончит свое формирование с решением хотя бы части стоящих перед ним задач.

¹ С нашей точки зрения, хотя Голдстоун и не считает, что пятое поколение существует, фактически он и сам осуществил переход в это поколение. Кроме того, в личном сообщении он проинформировал нас о заметном смягчении своей позиции по этому вопросу и в том, что он уже вполне допускает существование пятого поколения.

ПЯТОЕ ЛИ ПОКОЛЕНИЕ?

Отсчет первого поколения исследователей революции был весьма условным, поскольку история анализа революций к 1920–1930-м годам уже насчитывала почти 150 лет, если считать от Французской революции; и более 250 лет, если считать от первых исследователей английской революции, таких как Томас Гоббс².

Получается, что до “первого” поколения теоретиков мы имеем по крайней мере три предшествующих поколения. Приблизительно их можно охарактеризовать так:

1) рефлексия очевидцев и участников Французской революции;

2) революция как смена классов: в первые десятилетия XIX в. сначала Анри Сен-Симон, а позднее французские историки Огюстен Тьерри, Франсуа Гизо, Франсуа Минье и некоторые другие предприняли первые шаги к объяснению революций как результата классовой борьбы;

3) с середины XIX в. и до начала XX в.: анализ революций как фактора изменения хода истории, включая такие аспекты, как революция и прогресс общества, неизбежны ли революции; *pro et contra*, т.е. аргументы за и против³.

Таким образом, к моменту формирования первого (по Голдстоуну) поколения исследователей революции литература о революциях уже была очень велика.

Характеристики поколений хорошо известны, поэтому мы приведем их кратко. По большей части используем материалы из книги [Beck et al. 2022], однако см. также [Goldstone, 2001; Goldstone, Grinin, Korotayev 2022; Allinson 2019].

Первое поколение. Первое поколение приходится на 1920-е – 1940-е годы. Его представители изучали в первую очередь английскую, американскую, французскую и русскую революции. Эти “теоретики естественной истории революций” (К. Бринтон, Л. Эдвардс, Дж. Ретти, П. Сорокин⁴) считали, что истоки революций следует искать прежде всего в слабостях государства, а не в экономическом способе производства или классовой структуре. Эти теоретики утверждали, что к возникновению революции вели такие факторы, как переход интеллигентов в оппозицию режиму, когда режим сталкивался с серьезным финансовым и/или политическим кризисом, который увеличивал его уязвимость, а неспособность справиться с ситуацией порождала кризис легитимации [Beck et al. 2022: 5-6]⁵.

Второе поколение. Взгляды второго поколения революционной теории (примерно между 1940 и 1975 гг.; однако в основном в 1960–1970-х годах) известны как подход социального напряжения. Эта теория постулирует, что революции вызваны быстрыми социальными (а также экономическими, демографическими, урбанизационными, технологическими, культурными и пр.) изменениями. А такие изменения способны привести к конфликту, поскольку традиционные

² В целом историческому, моральному и политическому анализу проблемы революции было посвящено много исследований со времен Английской революции авторами XVII и XVIII вв. Нет необходимости подробно рассматривать взгляды этой эпохи; достаточно сказать, что они существенно различались. Но отметим, что в них можно найти многие предтечи более современных теорий.

³ Теоретиками революции классического периода являются такие деятели, как Алексис де Токвиль, Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Томас Бейли, Джордж Хелм Йемен, Джозеф Кларк, Карл Каутский, Владимир Ленин, Брукс Адамс, Гюстав Лебон, Чарльз А. Эллвуд, Эмиль Ледерер, Густав Ландауэр и др. Но в этом поколении в принципе можно выделить также два малых поколения: (1) с середины до конца XIX в.; (2) с конца XIX в. до окончания русской революции.

⁴ Безусловно, немало интересного о русской и иных революциях можно найти у их современников (большевиков и их противников) в России, в том числе у В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева и многих других. Современный взгляд на роль русской революции см. [Тимофеева 2017; Карнаухов 2017].

⁵ Более подробное описание этого и других поколений с полной библиографией см. [Бляхер и др., 2008: 133–148; Goldstone et al. 2022].

власти могут стремиться сохранить власть в эти трансформационные моменты. Кроме того, модернизация вызывает среди граждан психологический стресс (связанный как с трудностями в результате изменений их социальной идентификации и жизненных трудностей, так и с растущими ожиданиями, которые не нашли своей реализации, что приводит к растущему разочарованию). Этот стресс, в свою очередь, мотивирует население к революционным действиям (Дж. Дэйвис, Т. Гарр, С. Хантингтон, Ч. Джонсон).

Третье поколение (конец XX в.; примерно с 1975 г.). Третье поколение революционной теории часто связывают со структурным подходом, поскольку его главное объяснение возникновения революционного кризиса фокусируется на макроуровневых условиях и структурных выравниваниях. Хотя частью этой традиции являются многочисленные ученые (например, ранний Дж. Голдстоун, Б. Мур, К. Тримбергер), наиболее тесно она связана с работой Т. Скочпол [Skocpol 1979]. Эти ученые внесли новый вклад в (1) понимание роли государства в революционном процессе, (2) переосмысление роли внешних факторов, (3) углубление понимания роли армии, (4) осознание особой важности роли элит и (5) в повышенное внимание к конкретным историческим условиям, в которых происходят революции и революционные преобразования.

Четвертое поколение революционной теории (1990-е – 2000-е годы) обратилось к важным пробелам, включив агентские и международные измерения, а также культурные и идеологические факторы как движущие силы революции и детерминанты их результатов. Акцент на необходимости рассматривать революции не как изолированные события, а как часть региональных или глобальных волн революций и протестов, которые совпадают во времени и в географическом пространстве.

Каждое поколение имело свои сильные стороны, но естественным образом возможности его подхода со временем исчерпывались, а слабые места становились все заметнее. Это вело к развитию теории и нередко — к смене парадигм.

КАЖДОЕ ПОКОЛЕНИЕ ИМЕЕТ СВОИ СОБСТВЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

Определений, что такое поколение исследователей теории революций, в литературе, к сожалению, нет. Это понятие воспринимается как очевидное. Мы могли бы сказать, что такое поколение — это группа исследователей, характеризующихся сходством в методах, подходах и оценке революций и работающих в один исторический период (хотя рамки такого периода могут быть подвижными). Каждое поколение имеет собственный общественный “заказ” на аспект изучения революций (он может быть непрямым, вытекающий из общей идеологии, но может быть и прямой политический “заказ”⁶).

⁶ Общественный (социальный) заказ можно рассматривать как осознание автором необходимости исследовать какое-то важное социальное/политическое или иное явление из-за высокого интереса к нему. Общественный заказ может проявляться в активном научном дискурсе, научной моде; потребности журналов и других академических изданий в соответствующих по тематике работах и т.п. Политический заказ связан с конкретными заданиями от правительственных или иных организаций на конкретные исследования, в том числе посредством выделения научных грантов. Усиление политической составляющей в исследованиях революции в СССР было вызвано исключительной важностью революционных практик для осуществления социалистических революций. В западных странах, в том числе в США, это было обусловлено стремлением не допустить “коммунистические” революции, исключительной важностью идеологической борьбы с СССР (а в этой борьбе тема революций была крайне важной). После распада СССР и коллапса социализма, напротив, продвижение революций стало важной частью внешней стратегии США, соответственно, тема распространения демократии (в том числе путем “цветных” революций) активно поощрялась (ср. [Пономарева 2012]).

Смена поколений теоретиков – естественный процесс, который вытекает как минимум из демографической смены поколений ученых. Если научная проблема остается актуальной, каждое поколение рассматривает ее по-своему, часто критически переосмысляя наследие. Пятое поколение также формируется в процессе критики четвертого [Beck et al. 2022: 10]. Поколения исследователей сменяются на фоне изменения типов революций и мир-системных условий в период одного, двух или трех десятилетий (период расцвета и укрепления каждого поколения исследователей и его инструментария). Новые формы и типы революционных событий очевидно требуют теоретического осмысления. Такой поворот в подходах к анализу и аспектам исследования революций во многом и определяет начало подъема новой генерации исследователей. Но сразу отметим, что границы между поколениями исследователей обычно нечеткие, размытые.

Есть и важные нюансы, на которые стоит указать в связи со сменой поколений. Необходимо глубже связывать каждое поколение исследователей с социально-политической эпохой и показать, что изменение характера революций требует и новых подходов к теории революции. Иными словами, *каждое поколение имеет “свои” революции в своем собственном контексте мировых событий, равно как и в своем собственном контексте отношения к революциям.* Отсюда и многие особенности теоретиков каждого поколения.

Помимо того, что у каждого поколения исследователей были собственные революции, на формирование поколений оказывали влияние общие изменения подходов, направлений, теорий и методов в социологии. Мы уверены, что между последними и особенностями каждого поколения существует осязаемая корреляция (о периодизации западной социологии см., например, [Зборовский 2003; Cuin, Gresle 1992]).

Первое поколение встретило с мощными разрушительными революциями, которые сокрушили привычный и уютный мир, уверенность в том, что общества развиваются в направлении прогресса. И это наложило отпечаток на мировоззрение этих ученых. Они описывали революцию как явление, имеющее фазы, но меньше занимались конкретными механизмами революций. Где-то это исследование было несистематичным, слишком сильно опиралось на отдельные примеры и наблюдения (что, впрочем, характерно для современников революционных событий). Эти исследователи воспринимали социальные и социалистические революции скорее с философско-идеологической, нежели с научной позиции.

Второе поколение – это послевоенное поколение, которое столкнулось как с многочисленными революциями на периферии Мир-Системы, так и торжеством социалистических революций; а затем увидело соревнование и борьбу двух идеологических систем, одна из которых стремилась к революциям, а другая пыталась избежать их. Поэтому теоретики этого поколения пытались разобраться с феноменом революций, с их механизмом, чтобы не допустить “коммунистических” революций, опираясь на современную им психологическую, функциональную и организационную теорию.

Третье поколение пришлось на некоторый спад революционной активности; во всяком случае революции, если и происходили, то сместились на периферию (см. подробнее: [Гринин, Гринин 2020; Grinin, Grinin, Korotayev 2022]). Причем революции в этот период были особенные: Иранская – религиозная, латиноамериканские – герилья. Поэтому работам этого периода была свойственна специфика исследования особых революций, а также уже не идеологический, а академический интерес (Скочпол), который позволял более взвешенно и систематически исследовать революции именно в рамках исторического процесса, как важные вехи развития. Вдобавок к этому на-

мечался упадок СССР и стран социализма в соревновании с капитализмом, в результате чего боязнь революций сходила на нет.

Стоит добавить, что все три первых поколения, хотя и в разной степени, ориентировались во многом (а где-то и в основном) на социальный тип революций, который был характерен, по определению М. Бейссинджера, для “аграрно-бюрократических” обществ. Бейссинджер отмечал, что к началу XXI в. аграрно-бюрократические общества быстро угасали. Он также показал, что в течение XX в. “гражданские городские” (*civic urban*) революции становились все более распространенной формой революции и в XXI в. превратились в доминирующую форму. Это было одной из причин появления четвертого поколения [Beissinger 2022: 6].

Четвертое поколение росло с крушением социализма, мирными революциями, торжеством демократических революций. Отсюда и изменение отношения к революциям, которые теперь рассматривались как прогрессивное орудие истории, как способ демократизации полупериферии и периферии Мир-Системы. Кроме того, социальные революции, т.е. наиболее глубокие и разрушительные, как справедливо отмечает Бейссинджер [ibidem], стали редкими. Заметно сократилось и число насильственных революций. Таким образом, революции начала XXI в. кардинально отличаются от революций начала XX в., которые представлялись современникам (и представителям первого поколения) катастрофой вселенского масштаба.

Кроме того, четвертое поколение во многом сформировалось с последней волной революций XX века – антисоциалистических революций в Европе. Это определило и усиливающийся интерес к анализу волн революций [Розов и др. 2019; Гринин, Гринин 2020; Tilly 1996; Goldstone 2001; Beck 2011; Ritter 2015; Lawson 2019; Grinin, Grinin, Korotayev 2022].

РЕВОЛЮЦИИ, ПРИШЕДШИЕСЯ НА ПЯТОЕ ПОКОЛЕНИЕ – КАКИЕ ОНИ?

Некоторые тенденции, наметившиеся в последних десятилетиях XX в., продолжались и в XXI в., поэтому бывает сложно провести границу между четвертым поколением, приобретающим зрелые черты, и формирующимся пятым поколением. Сначала перечислим эти продолжающиеся тенденции. Но имеем в виду, что они тесно переплетены и дополняют друг друга.

1) *Рост числа революций.* Количество революций и революционных событий в XXI веке превосходит показатель позднего XX в.

2) *Ослабление социального начала революций.* Глубина революций и революционных изменений сильно уменьшилась, при этом сократилось число социальных революций (см. выше). Однако в отношении конца XX в. мы не полностью согласны с Бейссинджером и Аллинсоном, поскольку антисоциалистические революции, хотя и были преимущественно бескровными, все же привели к серьезным социальным изменениям. Речь идет не только о смене политического режима, но и о переменах в отношении собственности, социально-классового состава, распределения, трудовых отношений и т.д.⁷ В XXI в. уже сложно найти социальную революцию с такими серьезными последствиями. С натяжкой можно здесь назвать “революцию” Исламского государства (признанная террористической и запрещенная в России организация), но она в первую очередь религиозная. При этом революции могут быть кровавыми и с длительной ожесточенной гражданской войной (как в Ливии или Сирии), но без глубоких социальных изменений (см. также п. 6.)

⁷ Серьезные социальные изменения произошли по итогам некоторых поздних латиноамериканских революций, например в Никарагуа.

3) *Измельчание революций*. Рост количества революций (см. п. 1) и усиление их инспирирования извне (см. п. 7) логично вели к измельчанию (см. также п. 6). Колин Бек и соавторы образно пишут, что *Революции* с заглавной буквы “Р” сменились на *революции* со строчной буквы “р”: “В XX в. и ранее Революционеры (с заглавной буквы “Р”) нацеливались на взятие государства под свой контроль в качестве первого шага в реализации программ радикальных преобразований [Bukovansky 2002; Goldstone 1991; Goodwin 2001; Skocpol 1979]. Современные революционеры (с маленькой буквы “р”) вместо этого нацеливаются на режимы — лидеров и кадры, которые сидят на вершине правительства [Ritter 2019]” [Beck et al. 2022: 3]. Мы тоже писали об этой особенности (см. также [Капустин, 2019]), отмечая, что далеко не каждой современной революции присущи все входящие в определение революции элементы [Гринин, Коротаев 2020: 856]. Потому имеет смысл классифицировать их по масштабности.

4) *Рост числа ненасильственных революций*. Усиливается тренд перехода от насильственных революций к ненасильственным [Allinson 2019; Beck et al. 2022; Beissinger 2022; Chenoweth, Shay 2022]). Однако во многом этот тренд начал ломаться с Арабской весной (см. п. 7).

5) *Рост числа демократических революций*. Преобладание политических демократических революций стало очевидно уже в конце 1980-х годов, что нашло обобщение в концепции третьей волны демократизации С. Хантингтона [Huntington 1993]. Упор на демократическую направленность революций стал усиливаться еще в четвертом поколении, но в пятом он вышел едва ли не на первый план (см., например, [Мако, Moghadam 2021: 21]). Между тем, как стало ясно со временем, демократизация не была главной особенностью революций Арабской весны. А с учетом того, что почти везде она забуксовала, логичнее говорить о неготовности этих обществ к демократизации (см., например, [Grinin, Korotayev 2022]).

6) *Усиление символических действий*. Многие революции в конце XX в., но особенно в первой декаде XXI в. (по Дж. Лоусону в 1980-х — 2010-х годах [Lawson 2019]) больше демонстрировали политические и символические действия, нежели социальные и экономические. Лоусон назвал такие революции “договорными” (*negotiated*). Как отмечает Аллинсон, “они привержены принципу ненасилия; принимаются и даже приветствуются доминирующими государствами в международной системе” [Allinson 2019: 143]. Новые характеристики революций и изменение отношения к ним со стороны США и ведущих держав, а также давление с их стороны и требование не применять насилие против протестующих во многом обусловлены “договорным” характером таких революций. Показательный пример — революция в Армении в 2018 г. Несмотря на поражение в войне и сдачу Карабаха и прочие кризисы, попытки оппозиции устроить новую революцию не удалось. Причин этому много, но одна из них — отсутствие поддержки со стороны ведущих держав. Сложившаяся в Армении, как и в некоторых других послереволюционных странах, ситуация подтверждает мысль Аллинсона о том, что в результате таких революций в итоге создаются слабые государства. Хотя есть и исключения. Например, Украину, несмотря на все издержки установившегося режима, нельзя назвать слабым государством (но и обе революции там не были “договорными”).

Перечисленные характеристики революций XXI столетия широко признаны, но есть и другие — недостаточно обсуждающиеся в революционном дискурсе. Суммируем их.

7) *“Цветные” революции*. На наш взгляд, первой “цветной” революцией была Желтая революция на Филиппинах в 1986 г. Но в массовом количестве такие революции произошли в первой декаде XXI в. [Барсамов, 2006]. Мы даже рассматривали эти революции как революционную волну “цветных” революций

[Голдстоун и др. 2022]. Хотя многие зарубежные исследователи избегают такого термина, мы согласны с Л. Митчеллом [Mitchell 2015, 2022], что это действительно особый тип революций, поскольку их вектор задается извне в связи с геополитическими целями. И к нему вполне подходят характеристики, описанные в п. 6. Мы могли бы дополнительно сказать, что четвертое поколение имело дело с мирными, но реальными революциями. А затем им на смену пришли “цветные” революции, и это уже другая форма революций (в том числе во многом символическая, связанная с современным способом государственного переворота – более легитимным, см., например, [Пономарева, 2012]).

8) *Волны революций.* Участились волны революций. Соответственно, развивается теория волн, высказываются новые взгляды на их природу и причины возникновения [Розов и др. 2019; Beck 2011, 2014; Ritter 2015; Lawson 2019; Grinin et al. 2022] (о волнах см. также [Beck et al. 2022: 161]). Хотя Арабскую весну все рассматривают именно как революционную волну, две другие волны XXI столетия, т.е. волну “цветных” революций 2000–2009 гг. и современную еще незавершенную волну, начавшуюся в 2018 г. [Голдстоун, Гринин, Коротаев 2022], которую можно было бы назвать “эхом глобальных трансформаций”, чаще игнорируют. На наш взгляд, учащение революционных волн тесно связано с усилением глобализации, мир-системности, связанности, а также с ростом роли информационных технологий, т.е. с двумя следующими пунктами.

9) *Усиление глобализации, мир-системности, связанности.* Это ощущалось уже в конце XX столетия, но полное включение бывших социалистических стран в Мир-Систему произошло уже в XXI в. К этому добавилось усиление экономической глобализации и ее механизмов. В результате как позитивные, так и негативные (особенно важные для возникновения революций) явления распространялись очень быстро. Неслучайно именно глобальный экономический кризис 2008–2010 гг. стал триггером Арабской весны. Кризисы и раньше распространялись быстро, но сейчас этому способствовали мощное и почти беспрепятственное движение капиталов и небывалый рост мировой торговли за первое десятилетие XXI в., а соответственно, и усиление вовлеченности стран в мировое разделение труда. Появление и внедрение новых информационных технологий способствовали большей связанности и большему внешнему влиянию на возникновение революций. Иными словами, мир-системный фактор стал играть намного большую роль, чем прежде.

10) *Важнейшая роль информационных технологий.* Роль информационных технологий всегда была важна – как в создании условий для революционной пропаганды, так и для развития революции. Каждая новая форма распространения информации влияла на революционные стратегии и тактики. Во время Арабской весны массовая мобилизация через *Twitter* и другие сети вкупе с использованием мобильных телефонов дала мощный эффект, так как власти в первое время не были в состоянии блокировать соцсети (в отличие от радио и телевидения). Помимо этого, зрелищность и быстрота доставки видео- и аудиоинформации с помощью ИКТ-технологий сказались на быстроте заимствования революционных тактик и технологий в других странах, а также на отношении к революционным событиям в мире. Этот “жанр” оказал влияние на революционную стратегию и тактику. Революционеры стали все больше внимания уделять публике, революции в какой-то мере превратились в шоу.

11) *Переток революционного процесса на полупериферию и глубокую периферию.* Усиление мир-системности выразилось и в том, что революционный процесс, с одной стороны, заметно исчерпывался в Европе, а с другой – все заметнее проявлялся на полупериферии, периферии и на глубокой перифе-

рии, каковой является Тропическая Африка. Эти регионы неизбежно воспринимали примеры из более развитых стран, в них развивались образование, культура и экономика. Все более заметное место стали занимать религиозные, (этно)национально-освободительные и другие типы революций; не говоря уже о том, что периферийные революции обычно не были ненасильственными, а часто оказывались и вооруженными.

12) *Сближение разных форм протеста.* Увеличение числа ненасильственных и “договорных” революций (см. п. 4, 6) привело к тому, что революции все чаще становятся формами смены власти и политического курса и в этом плане сближаются с другими формами дестабилизационных событий (переворотами и пр.). Отсюда и новая терминология – например, “кампании” вместо “революции” (хотя это, на наш и других исследователей взгляд, неоправданно)⁸. Сближение социальных движений и революций отмечалось еще в конце XX в. (см., например, [Tilly 1995; Goldstone 2001: 142; Abrams 2019: 382-383]). Дж. Голдстоун и Д. Риттер пишут о “парадоксе конвергенции между движениями и революциями”, который объясняется распространением ненасильственных форм [Goldstone, Ritter 2019: 693-694]. Мы также занимались этим вопросом, в частности ввели понятие “революционное движение без революции” [Гринин, Коротаев 2020: 857]. Тем не менее мы полностью согласны с Б. Абрамсом в том, что настойчивые попытки расширить поле исследований общественных движений, включив в него революции, не вполне продуктивны, а теоретикам революционных событий “необходимо помнить, что объектом изучения, вокруг которого строится революционная теория, является и остается сама революция” [Abrams 2019: 383].

В XXI столетии намечилось много изменений в характеристиках революций. Естественно, что, хотя в каждой революции наблюдалась только часть описанных особенностей, в целом исследователи не могли пройти мимо таких серьезных перемен. Этим обусловлена критика подходов, выработанных четвертым поколением (а также его неспособности решить ряд острых теоретических проблем). Однако до Арабской весны многим казалось, что описанные тенденции в целом просто продолжают проявленные ранее тенденции, а качественного изменения нет.

АРАБСКАЯ ВЕСНА КАК РУБЕЖ МЕЖДУ ЧЕТВЕРТЫМ И ПЯТЫМ ПОКОЛЕНИЯМИ

Арабские революции стали водоразделом между четвертым и пятым поколениями. Есть ряд причин, почему можно так считать.

Одна из них – непонимание глубинной сути арабских революций, попытка представить их суть как борьбу за демократию, тогда как это, скорее, социальные и державно-модернистские революции, в значительной степени также связанные с этноконфессиональными проблемами. Отсюда и неудача попытки Ш. Мако и В. Могадам [Mako, Moghadam 2021] сузить свое исследование Арабской весны до проблематики демократизации. Можно согласиться с тем, что арабские революции начинались как демократические, но затем их характер изменился. В истории революций такое происходило не раз. Например, Русская революция 1917 г. тоже начиналась как демократическая, но, когда слабая демократическая власть пала, запустилась невиданная по глубине социальная революция [Тимофеева, 2017]. Испанская революция 1931 г. тоже изначально была демократической.

⁸ Еще более широким для объединения таких форм могло бы стать понятие дестабилизационных протестных событий.

По нашему мнению, главной причиной арабских революций в Тунисе и Египте стало противоречие между выросшим уровнем образования, культуры и в целом уровнем жизни в этих странах и депривацией (фрустрацией), связанной с завышенными ожиданиями реализации своих возможностей в плане достойного уровня жизни и труда, связанных с собственным образованием и надеждой на обещания правительства. Сработал механизм, описанный вторым поколением исследователей революций. От того, что он был описан давно, его верность в соответствующих ситуациях не должна подвергаться сомнению. Завышенные ожидания и фрустрация были резко усилены начавшимся мировым кризисом и сильным глобальным ростом цен на продовольствие (так называемой агфляцией). Роль триггера сыграл мир-системный фактор.

Вторая причина краха подходов четвертого поколения заключается в насильственном, а в ряде случаев даже вооруженном, характере революций с жестокими гражданскими войнами в период Арабской весны. Поэтому мирные ненасильственные революции – важная, но все же одна из линий (направлений) современных революций. Есть и другие, в частности периферийные революции, которые: а) во многом повторяют черты революций прежних эпох и типы этих революций; б) сильно связаны с мир-системными процессами; в) чаще проваливают план установления демократии; г) скорее насильственные и ведущие к затяжному военному противостоянию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СТОЯЩИЕ ПЕРЕД ПЯТЫМ ПОКОЛЕНИЕМ ЗАДАЧИ

Вопрос о пятом поколении теоретиков революции был поднят в 2019 г., и это положило начало дискуссии вокруг его “поколенческой перспективы”. Само возникновение этой дискуссии показывает, что происходят изменения в ситуации, которую Бек и коллеги охарактеризовали так – “академическое изучение революции застопорилось” [Beck et al. 2022: 10]. Появление в 2022 г. различных по направленности, тематике и концептуальным подходам, но очень интересных книг на тему анализа революций не может считаться случайностью.

Независимо от того, считаем ли мы поколенческий аспект важным или ненужным, считаем ли мы пятое поколение неизбежным или уже сошедшим со сцены, многие исследователи согласны, что перед революционной теорией и, шире, революционными исследованиями стоят серьезные вызовы и проблемы, без решения которых невозможно развитие. Лоусон [Lawson 2016] убедительно доказал, что революционная теория остро нуждается в теоретической переориентации. Мы согласны с тем, что необходимо “принять новые проекты и теории и отказаться от онтологического или методологического пуризма... [чтобы] вернуться к амбициозным сравнениям и новаторским, глубоким теоретическим исследованиям, которые всегда были характерны для знаковых работ о революции” [Abrams 2019: 384].

DOI: 10.17976/jpps/2025.06.12

REVOLUTIONS OF THE 21ST CENTURY AND THE FIFTH GENERATION OF RESEARCHERS OF REVOLUTIONARY EVENTS

L.E. Grinin^{1,2}, A.V. Korotayev^{1,3}

¹ *HSE University, Moscow, Russia*

² *Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

³ *Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

GRININ, Leonid Efimovich, Dr. Sci. (Philos.), Principal Researcher, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, email: leonid.grinin@gmail.com; **KOROTAYEV, Andrey Vitalievich**, Dr. Sci. (Philos.), Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Principal Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, email: akorotayev@gmail.com

Grinin, L.E., & Korotayev, A.V. (2025). Revolutions of the 21st century and the fifth generation of researchers of revolutionary events. *Polis. Political Studies*, 6, 160-172. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.06.12>

Acknowledgements. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University in 2025 with support of the Russian Science Foundation (Project Number 23-18-00535).

Received: 21.02.2025. Accepted: 23.07.2025

Abstract. In the early 2000s, after Jack Goldstone's article on the formation of a fourth generation of revolution researchers, interest in the study of these generations grew. Since 2019, discussions have even begun that a fifth generation of researchers of revolution has come or may come to replace it. At the same time, the points of view on what kind of generation this is, whether it has formed, what tasks it faces, etc., vary considerably. The authors of the article believe that the fifth generation of theorists already exists, but this generation has not yet fully revealed itself. However, the analysis of the fifth generation of researchers is a major task that cannot be accomplished in one article. Therefore, the main objective of this article is to argue in detail and develop the thesis that each generation of revolution researchers has its own revolutions, which have distinctive characteristics. The specificities have led to a variety of scientific and political approaches, specific research methods, and much more.

Keywords: theory of revolution, generations of revolution researchers, fourth generation of researchers, fifth generation of researchers, Arab Spring, world-system factor, social revolution, democratic revolution.

References

- Abrams, B. (2019). A fifth generation of revolutionary theory is yet to come. *Journal of Historical Sociology*, 32(3), 378-386. <https://doi.org/10.1111/johs.12248>
- Allinson, J. (2019). A fifth generation of revolution theory? *Journal of Historical Sociology*, 32(1), 142-151. <https://doi.org/10.1111/johs.12220>
- Beck, C.J. (2011). The world-cultural origins of revolutionary waves: five centuries of European contention. *Social Science History*, 35(2), 167-207.
- Beck, C.J. (2014). Reflections on the revolutionary wave in 2011. *Theory and Society*, 43, 197-223.
- Beck, C.J., Bukovansky, M., Chenoweth, E., Lawson, G., Nepstad, S.E., & Ritter, D.P. (2022). On revolutions: unruly politics in the contemporary world. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197638354.001.0001>
- Beck, C.J., & Ritter, D.P. (2021). Thinking beyond generations: on the future of revolution theory. *Journal of Historical Sociology*, 34(1), 134-141. <https://doi.org/10.1111/johs.12315>
- Beissinger, M.R. (2022). The revolutionary city. Urbanization and the global transformation of rebellion. Princeton: Princeton University Press.
- Bukovansky, M. (2002). Legitimacy and power politics: the American and French revolutions in international political culture. Princeton: Princeton University Press.
- Chenoweth, E., & Shay, C.W. (2022). Updating nonviolent campaigns: Introducing NAVCO 2.1. *Journal of Peace Research*, 59(6), 876-889. <https://doi.org/10.1177/00223433221092938>
- Cuin Ch., & Gresle F. (1992). Histoire de la sociologie. Paris: La Decouvert.
- Goldstone, J.A. (1991). Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley: University of California Press.
- Goldstone, J.A. (2001). Toward a fourth generation of revolutionary theory. *Annual Review of Political Science*, 4(1), 139-187. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.4.1.139>
- Goldstone, J.A. (2024). The generations of revolutionary theory revisited: new works and the evolution of theory. *Critical Sociology*, 50(6), 1069-1086. <https://doi.org/10.1177/08969205241241802>
- Goldstone, J.A., Grinin, L., & Korotayev, A. (2022). The phenomenon and theories of revolutions. In J.A. Goldstone et al. (Eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century* (pp. 37-68). Cham: Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_2
- Goldstone, J.A., & Ritter, D.P. (2019). Revolution and social movements. In D.A. Snow, S.A. Soule, H. Kriesi, & H.J. McCammon (Eds.), *The Wiley Blackwell Companion to Social Movements* (pp. 682-697). Hoboken: John Wiley & Sons.
- Goodwin, J. (2001). No other way out: states and revolutionary movements, 1945-1991. New York: Cambridge University Press.
- Grinin, L., Grinin, A., & Korotayev, A. (2022). 20th century revolutions: characteristics, types, and waves. *Humanities and Social Sciences Communications*, 9(1), 1-13. <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01120-9>
- Grinin, L., & Korotayev, A. (2022). Revolutions, counterrevolutions, and democracy. In J.A. Goldstone et al. (Eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century* (pp. 105-136). Cham: Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_4
- Huntington, S.P. (1993). The third wave: democratization in the late twentieth century. Norton: University of Oklahoma press.

- Lawson, G. (2016) Within and beyond the “fourth generation” of revolutionary theory. *Sociological Theory*, 34(2), 106-127. <https://doi.org/10.1177/0735275116649221>
- Lawson, G. (2019) *Anatomies of revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Levitsky, S., & Way, D. (2022). *Revolution and dictatorship. The violent origins of durable authoritarianism*. Princeton: Princeton University Press.
- Mako, S., & Moghadam, V.M. (2021). *After the Arab uprisings: progress and stagnation in the Middle East and North Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mitchell, L.A. (2015) *The color revolutions*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Mitchell, L.A. (2022) The “color” revolutions. Successes and limitations of non-violent protest. In J.A. Goldstone et al. (Eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st century* (pp. 435-445). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_15
- Ritter, D.P. (2015). The iron cage of liberalism: international politics and unarmed revolutions in the Middle East and North Africa. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199658329.001.0001>
- Ritter, D.P. (2019). The (R)evolution is dead, long live the (r)evolution! *Contention*, 7(2), 100-107. <https://doi.org/10.3167/content.2019.070206>
- Skocpol, T. (1979). *States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia, and China*. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511815805>
- Selbin, E. (2022). All around the world: revolutionary potential in the age of authoritarian revanchism. In J.A. Goldstone et al. (Eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century* (pp. 415-434). Cham: Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_14
- Tilly, Ch. (1995) To explain political processes. *American Journal of Sociology*, 100(6), 1594-1610. <https://doi.org/10.1086/230673>
- Tilly, Ch. (1996). *European revolutions, 1492-1992*. Oxford: Blackwell.
- Barsamov, V.A. (2006). ‘Colored’ revolutions. Theoretical and applied aspects. *Sociological Studies*, 8, 57-66. (In Russ.)
- Eisenstadt, S.N. (1999). *Revolution and the transformation of societies. A comparative study of civilizations* (Russ. ed.: Eisenstadt, S.N. *Revolutsiya i preobrazovaniye obshchestv. Srovnitel'noye izucheniye tsivilizatsiy*. Moscow: Aspect Press).
- Goldstone, J.A., Grinin, L.E., & Korotayev, A.V. (2022). Waves of revolutions in the 21st century. *Polis. Political Studies*, 4, 108-119. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.09>
- Grinin L.E., & Grinin A.L. (2020). Revolutions of the 20th century: a theoretical-quantitative analysis. *Polis. Political Studies*, 5, 130-147. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.10>
- Grinin, L.E., & Korotayev, A.V. (2020). Methodological explanations for the study of revolutionary events]. *Systemic Monitoring of Global and Regional Risks*, 11, 853-861. (In Russ.)
- Kapustin, B.G. (2019). Rassuzhdeniya o “kontse revolyutsii” [Reflections on the “end of the revolution”]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.)
- Ponomareva, E. (2012). Secrets of the “color revolutions”. *Free Thought*, 5-6, 38-48. (In Russ.)
- Rozov, N.S., Pustovoyt, Yu.A., Filippov, S.I., & Tsygankov, V.V. (2019). *Revolutsionnye volny v ritmakh global'noi modernizatsii* [Revolutionary waves in the rhythms of global modernization]. Moscow: URSS. (In Russ.)
- Shul'ts, E.E. (2016). *Teoriya revolyutsii: Revolyutsii i sovremennye tsivilizatsii* [Theory of revolution: revolutions and modern civilizations]. Moscow: Lenand/URSS. (In Russ.)
- Timofeeva, L.N. (2017). Classical Russian revolution and its contribution to the world civilization. *Power*, 25(9), 47-55. (In Russ.)
- Zborovsky, G.E. (2003). On the periodization of the history of sociology. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 6(4), 23-39. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Барсамов В.А. 2006. “Цветные революции”: теоретический и прикладной аспекты. *Социологические исследования*. № 8. С. 57-66. EDN: OPCJSV.
- Голдстоун Дж.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2022. Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 108-119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.09>. EDN: DVNOBV.
- Гринин Л.Е., Гринин А.Л. 2020. Революции XX века: теоретический и количественный анализ. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 130-147. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.10>. EDN: BRMYGP.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2020. Методологические пояснения к исследованию революционных событий. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 11. С. 853-861.
- Зборовский Г.Е. 2003. О периодизации истории социологии. *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 6. № 4. С. 23-39. EDN: OUKSEN.
- Капустин Б.Г. 2019. Рассуждения о “конце революции”. М.: Издательство Института Гайдара.
- Пономарева Е. 2012. Секреты “цветных революций”. *Свободная мысль*. № 5-6. С. 38-48. EDN: TPDZMF.
- Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С. И., Цыганков В.В. 2019. Революционные волны в ритмах глобальной модернизации. М.: КРАСАНД/URSS.
- Тимофеева Л.Н. 2017. Классическая русская революция и ее вклад в мировую цивилизацию. *Власть*. Т. 25. № 9. С. 47-55. EDN: ZGQFLB.
- Шульц Э.Э. 2017. Теория революции: Революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД.
- Эйзенштадт Ш.Н. 1999. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс.